

DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-363-374

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Русская историософия XX века в контексте традиции нравственно-психологического романа Ф. Достоевского

Н.М. Петрухина

Узбекский государственный университет мировых языков,
Узбекистан, 700082, Ташкент, м-в Сергели 7, д. 70/17

✉ tatashap@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики рецептивного влияния нравственно-психологического романа Ф. Достоевского на развитие русского историософского романа XX века. Актуальность проблемы определяется возможностью выявить идеологический доминант, соединяющий ключевые проблемы, связанные с нравственными установками романистики Достоевского. Новизна данного исследования заключается в рассмотрении новых идеологических оценок роли и статуса исторической личности в исторической романистике с учетом рецептивных соотношений классики с современностью. В качестве объекта исследования были избраны романы о народовольцах 50-60-х годов XX века, отражающие идеологическую концепцию провидца Ф. Достоевского в рецептивном поле художественных поисков писателей XX века и являющиеся определителем нравственных координат современных явлений действительности. Доказывается, что развитие нравственно-психологического исторического романа в 60-70-е годы происходит под сильнейшим влиянием традиции Ф. Достоевского. Рецептивное соотношение жанровой системы координат, субъектной организации, художественного историософского идеологизма XX века с традициями нравственно-психологической историософии «контекстного поля» Достоевского, с одной стороны, формирует новую тыняновско-форшевскую традицию, а с другой – на новом уровне развивает традицию полифонического идеологического романа писателя и обуславливает расширение нравственного полифонизма исторического романа в его ценностной и психоаналитической направленности, когда принцип «внутренней этики» начинает довлеть над идеологически-политическими доминантами.

Ключевые слова: Ф. Достоевский, народовольцы, рецептивное поле, нравственные координаты, русский исторический роман, нравственно-психологический роман

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления в редакцию – 17 июня 2021 г.; дата принятия к печати – 14 июля 2021 г.

Для цитирования: *Петрухина Н.М.* Русская историософия XX века в контексте традиции нравственно-психологического романа Ф. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 363–374. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-363-374

Russian Historiosophy of the XXth Century in the Context of the Tradition of the Moral and Psychological Novel by F. Dostoevsky

N.M. Petrukhina

*Uzbek State University of World Languages,
70/17 m-v Sergeli 7, Tashkent, 700082, Uzbekistan*
✉ tatashap@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of the receptive influence of the moral and psychological novel by F. Dostoevsky's on the development of the Russian historiosophical novel of the XXth century. The relevance of the problem is in the identification of an ideological dominant connected with the key problems associated with the moral attitudes of Dostoevsky's novelistics. The novelty of this study lies in considering, taking into account new ideological assessments of the role and status of a historical person, a historical novel about the narodovoltsy of the 50-60s of the XXth century. The novels about the narodovoltsy of the 50-60s of XXth century were chosen as an object of research to reflect the ideological concept of F. Dostoevsky in the receptive field of the searches of the XXth century writers and as a determinant of the moral coordinates of modern phenomena of reality. It is proved that the development of the moral and psychological historical novel in the 60-70s takes place under the strongest influence of the tradition of F. Dostoevsky. The receptive correlation of the genre coordinate system, subjective organization, historiosophical ideologism of the XXth century with the traditions of the moral and psychological historiosophy of Dostoevsky's "contextual field", on the one hand, forms a new Tynyanov-Forsh tradition, and on the other, develops the traditions of the writer's polyphonic ideological novel on a new level and determines the expansion of the moral polyphonism of the historical novel in its value and psychoanalytic orientation, when the principle of "internal ethics" begins to dominate the ideological and political fields.

Keywords: F. Dostoevsky, narodovoltsy, receptive field, moral coordinates, Russian historical novel, moral and psychological novel

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: June 17, 2021; accepted: July 14, 2021.

For citation: Petrukhina, N.M. (2021). Russian Historiosophy of the XXth century in the context of the tradition of the moral and psychological novel by F. Dostoevsky. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(3), 363–374. (In Russ.) doi:10.22363/2312-9220-2021-26-3-363-374

Введение

Эволюционные процессы в романной жанровой системе русской литературы XX века, несомненно, соотносятся с творчеством Ф.М. Достоевского,

которое оказало огромное воздействие на развитие мировой романистики в целом. Открытая М. Бахтиным концепция полифонического романа в сочетании с теорией идеологического романа Энгельгардта в рамках художественной романной системы Ф. Достоевского позволяет сегодня интерпретировать роман XX века совершенно с новых позиций. И в первую очередь это касается сложной жанровой системы «русский исторический роман», детерминирующей историософию XX века. В новом интерпретационном ключе осмысливаются как собственно жанровые координаты исторического/историософского романа, так и концепированные модели «исторического развития» в контексте нравственно-философских и социально-этических культурных кодов романов Достоевского. Следует учитывать и особый историософский генезис романов Достоевского – практически ни одного чисто исторического романа в его творчестве нет.

В литературоведении рубежа XX–XXI веков происходит переоценка ценностей, ключевым доминантом этого процесса становится классика. Многие из того, что оказалось полузабытым, воскрешается и подвергается перекодировке, девальвации и анализу в современном рецептивном контексте. Ориентир на классика стимулирует выработку новых моделей мышления. Обращение к культурному и литературному наследию определяется рядом факторов: во-первых, классика выступает как одна из констант в осуществляемой переоценке ценностей; во-вторых, благодаря такой переоценке вырабатываются новые формы мышления; в-третьих, обращение к классике помогает лучше понять процессы происходящих явлений в современности и представляет собой основу для спора с теми идеями, которые не прошли проверку временем.

Сегодня нам представляется особенно важным и интересным рассмотреть в системе рецептивного интердисциплинарного анализа, с учетом новых идеологических оценок роли и статуса исторической личности, его историософского феномена, тот пласт русского романа XX века, который находился в центре внимания советского литературоведения и практически не упоминается в современном – это исторический роман о народовольцах 50-60-х годов XX века.

«Вечная» проблема права личности в русском романе XX века

Тема нравственно-этического обоснования убийства смыкается неизбежно с одной из вечных проблем свободы воли личности – допустимого или недопустимого права одного человека распорядиться жизнью другого.

В творчестве Ф. Достоевского – это не просто проблема романа «Преступление и наказание», а некий идеологический доминант, стыкующий в системе своих возможных трактовок все ключевые проблемы нравственности Личности. В русском романе XX века эта проблема решалась по-разному, но, пожалуй, наиболее оригинальную форму художественного варьирования

она приобрела в историческом романе, и в частности в русском романе 1950–1960-х годов о народовольцах. Ю. Давыдов, Ю. Трифонов, В. Савченко и другие писатели этого направления исторической романистики акцентировали внимание на сложном переплетении историософской проблемы Личности и её роли в Истории мира и «экзистенциальной» проблеме Сверхчеловека, решаемой, например, Достоевским в системе экзистенциально-нравственного бинома «вопрошания» – «тварь я дрожащая или право имею». Романисты этого периода показали, что «революционная нравственность» народовольцев определенно вступила в неразрешимое противоречие с нравственными представлениями большей части общества, воспитанного, помимо всего прочего, в христианской традиции, однозначно отрицательно относящейся к любому факту убийства.

Сюжетная линия сопоставления, по меньшей мере, двух нравственных позиций чётко прослеживается практически во всех исторических романах о народовольцах Ю. Трифонова, Ю. Давыдова и В. Савченко. Предмет художественного исследования романистов сконцентрирован на нравственно-психологическом императиве принципа «историзма» – конкретные исторические личности, действующие в конкретной исторической обстановке. Однако новаторство писателей заключалось в особом подходе к художественному анализу исторического героя – в ключе концепции Достоевского они пытались постичь и открыть историософию «человека в человеке». Избранное авторами художественное исследование и показ политической деятельности народовольцев предопределили необходимость политических оценок их поступков, оцениваемых самими героями произведений. А уже само сопоставление этих оценок с действительными результатами их деятельности побуждает читателя четко определиться в своих симпатиях и антипатиях к происходящему в романах. Это – один из типологических приёмов опосредованного показа нравственного отношения писателей к народовольческому движению.

Одна из примечательных особенностей русской литературы XX века – постоянное, то несколько заниженное, то со «взрывом», как это произошло в 1960–1970-е годы – обращение к исторической тематике, к явлениям и событиям прошлого, оставившим след в исторических судьбах народов России.

Генезис исторической романистики XX века в рецептивном поле классики

На различных этапах литературного процесса место исторической романистики было не всегда почетно. Наибольший успех выпал на вторую половину 1920-х и 1930-е годы. В конце 40-х годов исторический роман переживает заметный творческий спад: качественные характеристики этого жанра, особенно в осмыслении исторических событий и личностей, их творивших, наблюдался отход от традиций, заложенных в золотом XIX веке,

а также русскими романистами А. Толстым, Ю. Тыняновым, О. Форш и А. Чапыгиным, развившими традиции Пушкина, который призывал «воскрешать минувший век во всей его истине» [1], в освещении исторических событий и их подлинных героев.

Новый творческий подъем в исторической романистике приходится на вторую половину 1950-х годов, когда четко обозначился процесс переоценки литературных ценностей, переосмысление утрат и обретений. Шестидесятые и семидесятые годы отмечены высокой активностью исторической романистики, отличаются количественным ростом историко-художественных произведений, названным в 1976 году А.Б. Чаковским «историко-литературным взрывом». Это время отмечено также общим психологическим углублением историзма русской литературы, усилением достоверности художественного изображения прошлых эпох, значительным расширением тематики и переосмыслением некоторых важных традиционных представлений отечественной истории. Характерная особенность исторической романистики тех лет – бурное развитие нравственно-психологического романа, истоки которого в творческих обретениях Ю. Тынянова («Кюхля», 1925) и О. Форш («Одеты камнем», 1925), типологически предвосхитивших значительную часть новаторских приемов, определяющих это исторически устойчивое направление в XX веке, во многом благодаря творчеству Ю. Трифонова, Б. Окуджавы, Ю. Давыдова, В. Савченко, Ю. Полякова, Я. Ильясова и других романистов, создавших произведения историософского плана.

В романе Ольги Форш «Одеты камнем», вышедшем в свет в 1924–1925 гг., историзм проявлен на идеологическом и сюжетном уровнях. В основе романа лежит коллизия личностного плана – противопоставление сильной творческой личности (образы Н.В. Гоголя, А.А. Иванова) и безликой завистливой посредственности (образ Багрецова). По особенностям бинарного структурирования образной системы романы О. Форш приближены к традиции Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского, однако опосредованно соотносятся и с художественной схемой романа символистской прозы (А. Белый, А. Ремизов). Отсюда при реалистической конкретике повествовательного дискурса стиль Форш насыщен экспрессивной, напряженной метафорикой, напоминающей гротескную русскую классическую традицию в том числе. Однако следует подчеркнуть усложненный многоуровневый психологизм, совмещающий историзм и определенную долю художественной условности.

Нравственный императив Достоевского в романе О. Форш «Одеты камнем»

Роман О. Форш «Одеты камнем» был высоко оценен критикой и нашел весьма положительную оценку у М. Горького, который увидел в романе при всех его поэтических и гуманистических достоинствах начало нового литературного направления, названного в литературоведении как нравственно-психологическое. «Я счастлива, что вы причисляете меня к зачинателям но-

вого исторического романа», – писала О. Форш Горькому. И уже только в современном литературоведении предприняты попытки объяснить, что это такое – «новый» роман, чем он отличается от традиционных историко-художественных повествований.

Подробно изучая роман О. Форш «Одеты камнем» с позиций историзма, анализируя образы революционера-шестидесятника Михаила Бейдемана и его друга – предателя Сергей Русанина и в целом высоко оценивая поэтические достоинства романа, С.М. Петров верно подметил, что в нем «историко-революционная тема оказалась несколько отодвинута нравственно-психологической» увлеченностью автора художественным разрешением проблемы личности в истории, нравственно-психологическом осмыслении тех событий, в которых задействована сама историческая личность. В этом подходе явно ощутимо серьезное влияние идеи Достоевского о том, что, в первую очередь, важна личность и задача писателя – прозреть на фоне реальной действительности и конкретики исторических событий «человека в человеке». Писателю О. Форш тема революционной борьбы в середине XIX века представлялась не столько социально-политическим устойчивым течением со своей четкой программой конкретных радикальных действий, сколько нравственно-революционным порывом морально подготовленных людей к решительной схватке с самодержавием. К ним относился и Михаил Бейдеман, «честный и чистый юноша», посвятивший свою жизнь революционной борьбе. Для героев романа идея революционной борьбы равнозначна идее *смыслообретения*, которая понимается ими как некое достижение внутренней цельности.

Интересно, но Ф. Достоевский в произнесённой им знаменитой «Пушкинской речи» подчёркивает, что именно проблема «самообладания», «самообвинения» и «труда православного» определяет во многом современного ему русского человека из европеизированного сословия. И в основе нравственно-этического императива личности, мыслимой как программа личностного «самовоскресения», находится проблема «самообладания» как единственного условия катарсического обретения внутренней цельности.

И если революционная деятельность Михаила показана в романе крайне скудно, то психологическая мотивация его высоконравственных поступков раскрыта глубоко, на что есть весьма объективные причины. Именно этот факт позволяет нам соотносить романную концепцию О. Форш с теорией полифонического романа Достоевского, создавшего целую стратегию художественного построения идеологического романа с акцентом на историсофской составляющей проблемы «влияние истории на внутреннего человека».

Следует отметить, что, прежде всего, сама биография прототипа главного героя романа Форш Михаила не позволила добросовестно относившемуся к правде истории писателю широко развернуть в романе революционную деятельность Бейдемана, которая в его судьбе почти не значится. Рабо-

та в Восьмой русской типографии Герцена в Лондоне, неосуществленный план покушения на царя и арест на границе при возвращении в Россию в 1961 году – вот, собственно, и все сведения, которыми располагает история о жизни и деятельности Михаила, заточенного в Алексеевский рavelин более чем на два десятка лет, до того, как он мог что-либо совершить. Невозможно не согласиться с утверждением В. Оскоцкого о том, что «нравственный аспект темы (революционной темы. – Н.П.) имел... для О. Форш не облегченный морализаторский, но актуальный идеологический смысл» [2. С. 58].

Интерференция «идеологизма» как основа типологии концепции романов Ф. Достоевского и О. Форш

Достаточно сложно вывести чёткую теоретическую базовую схему или формулу построения идеологического романа, чтобы иметь возможность говорить о типологии концепции романа Достоевского и Форш. В современном литературоведении большинство попыток представить понятийное содержание феномена «идеологизма» у Достоевского развёрнуты в контексте теорий Б.М. Энгельгардта и М.М. Бахтина. Более того, Бахтин большинство концептуальных оснований своей теории соотносит именно с концепцией Энгельгардта. Исключая частности, оба теоретика соотносят «идеологизм» романной системы Достоевского именно с субъектно-персонажной схемой «живых образов идей» и говорят о текстах Достоевского как о романах «об идее», а не романах «с идеей».

Исследователи романистики Достоевского отмечают, что писатель создал не «идеологический роман» как таковой – этот жанр в том или ином варианте наблюдается в романистике А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Л.Н. Толстого), а индивидуально-авторский инвариант, развёрнутый в системе интерференции «идеологизма» и полифонии. Таким образом, романы Достоевского одновременно полифонические и идеологические и подобная структуризации развёрнута в особой субъектной организации персонажной системы (полифонически центрируемой вокруг образов-идей).

В 1920-е годы Ф.А. Степун, отмечая многозначность понятий «идея» и «идеология», предложил дифференцировать их в системе романов Достоевского [3. С. 343–344]. Вслед за ним Г.С. Померанц, акцентируя авторскую «надеждную» точку зрения в поздней романистике писателя, предлагает структурировать в качестве концептов следующие категории: «идея» (отвлеченные теоретические построения персонажей), «идеология» («идеи» персонажей, ставшие социально-практической программой их действий) и «как бы идеи».

Исследуя специфику идеологического романа Достоевского, О. Богданова отмечает, что на основе существующей сегодня концепции «выдвигается новая, уточненная дефиниция „идеологического романа“ Достоевского, которая возводится не к понятию „идеология“, как это было у Б.М. Энгельгардта, а к слову „идеолог“». Роман Достоевского – это именно роман об

„идеологах“, о различных вариантах особого социокультурного типа, господствовавшего в русской культуре с 1860-х по 1920-е годы и непосредственно связанного с такой социокультурной общностью, как интеллигенция. Одновременно роман Достоевского – и о „людях идеи“, отвлеченной идеи (как правило, дворянах), что вообще характерно для современной ему русской классики. Авторская же позиция писателя с „идеологией“ и „идейностью“ имеет мало общего – она соотносится с духовно-религиозной сферой „как бы идей“. Поэтому в структуре романа Достоевского допустимо выделить т.н. „надыдейно“–„надыдеологический“ план, который и репрезентирует собственно авторское сознание» [4].

В этом плане роман Ольги Форш в общей схеме своего соотношения с категориями «идея» и «идеология» во многих положениях соотносится с традицией Достоевского. Не случайно метафоризированный образ писателя не просто включён в структуру романа, но и составляет основу его «идейно-над/идеологической» канвы.

Достоевский вводится в романную систему романа О. Форш как вполне реальный герой и это тем более важно, что он становится именно проводником теории «идеолога» писателя Достоевского, с которым Михаил и вступает в «идейно-идеологически» знаковый спор: «У тетушки в библиотеке бывал писатель Достоевский, или – как тогда звали его в нашем кругу – Достоевский. В то время первоклассным его никто не почитал, а переводя оценку литературную на более мне обычную в военных чинах, не совру, ежели скажу, что ходил он, приблизительно, не более как в майорах. Григорович против него был полковником, а уж генералом – как тетушка раз навсегда решила – Иван Сергеевич Тургенев. <...> – Это Достоевский! – шепнула мне тетушка, зараз и с гордостью, и с снисходительным извинением, как о человеке, не знающем обычаев нашего круга.

– Да, я написал это в статье и повторять не устану, надо верить, что русская нация – необыкновенное явление всего человечества! – выкрикнул Достоевский.

На слова «всего человечества» он так сильно нажал, будто собирался навеки вдавить их в лоб слушателей. Я заметил – это многих покорило: всякая подчеркнутость для светских людей – признак дурного тона, а он словно весь был подчеркнут. Движения угловаты, голос глух и без основания выразителен. Словом, в нем не было и тени той одаряющей приятности, благодаря которой человек, на деле вам ничем не помогший, запоминается вами с благодарностью навсегда» [5].

Подчеркнутая реалистичность образа Достоевского психологически призвана в романе вывести его идеи в план абсолютно исторически состоятельных, а самого Достоевского представить именно как одного из героев-идеологов. В связи с этим особую концептуальную нагрузку несет на себе спор Михаила с Достоевским, в котором четко обозначена нравственная и моральная подоплека, вполне претендующая на статус «идеи» – «Отдаваясь

потоку собственных заветных мыслей, он, как ураган, смял плотину всех светских обычаев. При этом, не соразмеряя силы своего голоса с комнатой, он пустился громить, как с трибуны.

– Таковы все европейцы. Идея общечеловечности все более стирается между ними. Вот причина, почему они совершенно не понимают русских и величайшую особенность характера нашего, способность всечеловечности, они называют безличием. Сейчас особенно, когда христианская связь, соединявшая народы, с каждым днем теряет свою силу, сейчас особенно необходима...

В эту минуту случилось необычайное для нравов салона.

Михаил, не сводивший горячих глаз с говорившего, забыл все свои обещания и то, где он находится, шагнул вдруг на середину комнаты и, не владея собою, крикнул:

– Если прежняя связь, соединявшая народы Европы, слабеет, то это лишь признак того, что связь старую должна сменить новая – социализм!

Это был удар грома. Ахнули дамы, перешепнулись архивные юноши, тетушка грозно встала. Один лишь Достоевский, слегка побледнев, с интересом глянул на Михаила и сказал:

– Наш спор с вами длинный, зайдите ко мне как-нибудь...» [5].

Структуризация психологического уровня субъектно-персонажной организации романа Форш также во многом соотносится с традицией «образных двойников» Достоевского. Например, в романе «Одеты камнем» можно выделить две ключевые бинарные системы двойников-антиподов: Михаил-Достоевский и Михаил-Русанов. В каждом из этих вариантов решается проблема художественной презентации концептуальной идеи Михаила-идеолога, но с разных позиций: «Что же, прав, что ли, был Михаил? Помню его с запрокинутой головой, лицо ветру навстречу. Глаза мечут искры, в руках Герценов „Колокол“. Свернув его в трубку, как маршал жезлом, Михаил машет им вправо и влево. И, должно быть, у него в мыслях толпы народа, и это им он кричит своим грубым гневным голосом:

– Совершенное уничтожение нелепого самодержавия есть вызов к жизни нового строя, новой, прекраснейшей жизни.

И вот опять спрашиваю: что, если окажется прав Михаил, отдав без оглядки свою свободу, свой светлый разум за это дело, и новая жизнь, как уже во многом сейчас примечаю, выйдет окончательно справедливее прежней? В таком случае кто же тут Иуда, который погубил Михаила не только как соперника личного, а как борца за эту вот свободнейшую и лучшую жизнь? Но кому до меня дело! О нем одном речь, пока действует память и хоть дрожит, но выводит буквы рука» [5].

Идея «добровольной смерти за свободу» – это не только мысль из морального кодекса революционера, но и свидетельство готовности к социально-активному действию, осознанный выбор жизненного пути. Более того, исповедь Сергея Русанина, так сказать, на смертном одре, не что иное, как

идеологическая и психологическая база нравственной вины предателя перед своим «другом» Михаилом Бейдеменом.

Тема революции, тема борьбы против самодержавия в романе «Одеты камнем» разрабатывается О. Форш через нравственно-психологическое развитие сюжета и образов отнюдь не стихийно, а по объективным законам искусства, требующего полной информации об изображаемой писателем действительности – и тогда автор идет по пути историко-социального сюжетообразования. Если же такая информация о действительности (об исторической правде) скудна, то романист вынуждено идет к нравственно-психологическому сюжету. Впрочем, это не канон. Акцент на нравственно-психологической сюжетной линии в исторически заданных текстах может ставиться в соответствии с творческим замыслом писателя, являясь наиважнейшей проблемой его человеческого мироощущения, как, например, в романе Ю. Тынянова «Кюхля». Таким образом, нравственно-психологическая направленность исторического повествования О. Форш в романе «Одеты камнем» является и художественным открытием и рецептивным воздействием Ф.М. Достоевского.

Рецепции идеологического романа Достоевского в литературном процессе XX века

Влияние традиции полифонического идеологического романа Достоевского прослеживается и в романе Ю. Тынянова «Кюхля», который также концептуализирует не собственно историческую сюжетность, а нравственно-психологическую историософию и характеризуется глубоким психоанализом «внутреннего человека» и характера главного героя-декабриста Вильгельма Кюхельбекера. По этому поводу исследователь Э. Удонова писала, что Ю. Тынянова «в жизни исторического деятеля... меньше всего интересуют личные, интимные» грани судьбы, что он, равно как и О. Форш, «рисует своих героев как выразителей определенного этапа освободительного движения», то есть идеи идеологов – добавили бы мы. Наблюдение интересное, однако трактуется не совсем точно. Дело, думается, не только в том, что писателя «не интересуют» личная жизнь своего героя, а в том, что перед романистом стоит иная задача – конкретное исторически достоверное изображение исторически известной личности.

Очень интересен в этом плане и роман Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов», который многие исследователи причисляют к жанру «исторического романа». И не без оснований, ибо сюжетные линии и образы опираются на документальные свидетельства исторического прошлого, даже если роман и перенасыщен «мистифицирующей» фантазией, которая, впрочем, не произвольна. Некоторые исследователи (В. Оскоцкий, например) полагают, что главные герои Сергей Мятлев и Лавинья Ладимировская хоть и являются вымышленными, однако, «имеют своих доподлинных прототипов» [2. С. 271].

Несмотря на некоторую фантазмагоричность сюжетных линий и определённую долю художественной условности, несомненно, что роман «Путешествие дилетантов» написан в системе нравственно-психологических реалистических задач. Правда, ситуация здесь несколько иная – Б. Окуджава широко использует вольный вымысел в обрисовке личностей и интимной жизни своих героев. Как бы ни оценивался критикой этот роман, бесспорно одно – он написан в традиции исторической романистики Ю. Тынянова и О. Форш, в координатах нравственно-психологической традиции, продолжая и на новом уровне развивая традиции полифонического идеологического романа Достоевского.

Особо подчеркиваем, что в этом же ключе написаны исторические романы о народовольцах Ю. Давыдова, В. Савченко и Ю. Трифонова, для художественного метода которых был свойствен принцип историзма с выходом на подчёркнутый личностный психоанализ в изображении «человека в человеке».

Проза Ю. Трифонова отмечена известным поиском нравственных ценностей в характере исторических образов – от текста «Отблеск костра» до «Нетерпения», от «Загадки и проведения Достоевского» до последнего романа «Время и место». Трифонов по вертикали высветил социальные и нравственные причины действий героев и психологическую мотивацию их поступков в объективно складывающихся исторических обстоятельствах.

Но прежде зададимся вопросом, почему такой интерес вызвало народовольческое движение в художественной литературе 60–70-х годов. Причин несколько. Одна из них – восстановление исторической справедливости, так как годы идеологической режимности не допускали нравственных одобрительных оценок народничества, и в частности народовольческого движения, на том основании, что оно не привело и не могло привести к конечному революционному результату. В «оттепельные» 60-е годы, когда переоценка ценностей, начатая в середине 50-х годов, вылилась в перестройку всех областей жизни (которой не суждено было сбыться), в литературе писатели стали делать акцент на изображении не той негативной роли, которую играла в истории та или иная Личность, а на тех заслугах и новациях, которые определили новый исторический поворот. Деяния героев «Народной воли» стали предметом не только и не столько художественного познания «героической нравственности» народовольческого движения, сколько психоаналитическим исследованием «внутреннего человека» в системе ценностно-этических координат, лежащих в основе современной историософской концепции. Видимо, этим объясняется акцент писателей на нравственные и психологические аспекты в изображении событий и людей, связанных с этим движением.

Заключение

Таким образом, развитие нравственно-психологического исторического романа в 60-70-е годы происходит под сильнейшим влиянием традиции

Ф. Достоевского. Рецептивное соотнесение жанровой системы координат, субъектной организации, художественного историософского идеологизма XX века с традициями нравственно-психологической историософии «контекстного поля» Достоевского, с одной стороны, формирует новую тыняновско-форшевскую традицию, а с другой – на новом уровне развивает традиции полифонического идеологического романа писателя и обуславливает расширение нравственного полифонизма исторического романа в его ценностной и психоаналитической направленности, когда принцип «внутренней этики» начинает довлеть над идеологически-политическими доминантами.

Библиографический список

- [1] Пушкин А.С. О народной драме и драме «Марфа Посадница» // Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Наука, 1964. Т. 7. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/articles/article-059.htm> (дата обращения: 10.08.2019).
- [2] Оскоцкий В. Роман и история. М.: Худ. лит-ра, 1980. 384 с.
- [3] О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов: сб. статей. М.: Книга, 1990. 428 с.
- [4] Богданова О.А. Традиции «идеологического романа» Ф.М. Достоевского в русской прозе конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2009. 50 с.
- [5] Форш О. Одеты камнем. Роман. URL: www.bookol.ru/proza-main/istoricheskaya_proza/17129.htm (дата обращения: 15.05.2019).

References

- [1] Pushkin, A.S. (1964). About the folk drama and the drama “Marfa Posadnitsa”. In *Complete Works* (Vol. 7). Moscow: Nauka Publ. Retrieved March 25, 2021, from <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/articles/article-059.htm> (In Russ.)
- [2] Oskockij, V. (1980). *Novel and history*. Moscow: Hud. lit-ra Publ. (In Russ.)
- [3] *On Dostoevsky. Dostoevsky’s works in Russian Thought of 1881–1931: A collection of articles*. (1990). Moscow: Kniga Publ. (In Russ.)
- [4] Bogdanova, O.A. (2009). *Traditions of the “ideological novel” by F.M. Dostoevsky in Russian prose of the late XIX – early XXth century* (Abstract of the Dissertation of the Doctor of Philological Sciences). Moscow. (In Russ.)
- [5] Forsh, O. *Dressed with a stone. Novel*. Retrieved May 15, 2019, from http://bookol.ru/proza-main/istoricheskaya_proza/17129.htm (In Russ.)

Сведения об авторе:

Петрухина Наталья Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы и методики преподавания Узбекского государственного университета мировых языков. ORCID: 0000-0001-9243-2473; e-mail: tatashap@mail.ru

Bio note:

Natalia M. Petrukhina, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature and Teaching Methods of the Uzbek State University of World Languages. ORCID: 0000-0001-9243-2473; e-mail: tatashap@mail.ru